

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

В МАЛЕНЬКОЙ
БИБЛИОТЕКЕ

Андрей Коробко

Первая любовь в маленькой библиотеке

<https://litres.ru/74518698>

SelfPub; 2026

Аннотация

Андрей, южанин из солнечной Кубани, попадает в суровый нефтяной Когалым, где вместо виноградников — вечная мерзлота и запах мазута. В студенческом общежитии он встречает Ангелину — «Королеву льда», неприступную красавицу в стиле гяру, которая скрывает за холодной маской глубокую боль и одиночество. Их отношения начинаются с пощечины в библиотеке и перерастают в историю о том, как два разных человека становятся друг для друга опорой. Но местный хулиган Артём и жестокие реалии северной жизни готовы разрушить их хрупкое счастье. Сможет ли их любовь выдержать проверку на прочность, или она разобьется, как лед о скалы? История о первой любви, взрослении и поиске себя в мире стали и холода.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Андрей Коробко

Первая любовь в маленькой библиотеке

Глава 1.

Вагон трясло с монотонным, убаюкивающим упорством старой клячи, выбивающей копытом дробь по мерзлой насыпи. Андрей, прижав лоб к холодному, слегка дрожащему стеклу, чувствовал, как эта вибрация проходит сквозь кости, отзываясь глухим гулом в затылке, перекатываясь волной по позвоночнику. За окном, в бескрайней, казалось, вечности, раскинулась тайга. Не та буйная, южная зелень его родных мест, где листва шелестела под теплым ветром, а суровая, темнохвойная громада Сибири. Сосны и ели стояли как застывшие великаны в серых шинелях инея, их ветви тянулись к свинцовому небу. А бесконечный покой и вековое молчание были жестоко изрезаны, рассечены, словно шрамами, стальными артериями трубопроводов. Они тянулись к горизонту, блестя под косым, уже слабым августовским солнцем, навязчивые и чуждые, как инопланетные змеи, заползшие в девственную чашу.

«Кубань... Солнце, виноградники, теплый ветер с моря,

пахнущий солью и спелыми фруктами. Теперь только во сне увидишь», – подумал он с горечью, которая была острее от контраста с холодком стекла, ледяющего кожу. «Хорошо хоть, что август здесь не такой холодный. Не сразу затоскуешь до изнеможения. Хотя этот холод – он уже внутри».

Рука машинально потянулась к карману потертой куртки, шершавой от дорожной пыли. Там лежала целая пачка «Беломора» – нелепый, но трогательный подарок дяди-инженера на прощание. Тот, провожая его на вокзале в Краснодаре, сунул папиросы со словами, в которых смешались забота и какая-то своя, непонятная Андрею грусть, словно он отправлял племянника не на учебу, а в дальний и опасный поход: «Носи, племянник. Знаю, что ты не куришь, да и слава Богу, но носи как талисман. От сглазу, что ли. Или просто на память о старом чудаке-дядьке».

Андрей тогда улыбнулся, но теперь, ощущая твердый картонный уголок в пальцах, почувствовал неожиданный комок в горле, горький и сдавливающий. Эта пачка была крохотным, теплым островком родного мира в ледяном, безбрежном море неизвестности, что расстилалась за окном и впереди.

- Когалым! Когалым стоооой! – прорезал вагонную дрему, пропитанную сонным дыханием пассажиров, хриплый, привычный к крику голос проводника. Он прозвучал как выстрел, разорвавший тишину, заставив вздрогнуть и заморгать.

На перроне Андрея встретил не просто ветер – это был порыв ледяной саги, насыщенный резким, едким, проникающим в ноздри и горло запахом. Запахом сырой нефти, тяжелого мазута, ржавеющего железа и чего-то еще незнакомого, химически-тяжелого, как дыхание огромного промышленного зверя. Он ударил в лицо, заставил содрогнуться всем телом и инстинктивно задержать дыхание, ноздри защекотало.

«Город посреди нефти, дышишь ею. Надо же», – мелькнула мысль, больше констатация факта, чем удивление. Удивляться было уже поздно. Воздух оставлял маслянистый привкус на губах.

Вызвать такси оказалось делом нескольких минут. Машина, выдавшая виды, с потускневшей, исцарапанной краской цвета грязной соли, подкатила с шипением тормозов и скрипом амортизаторов. Водитель, мужчина лет пятидесяти, с обветренным, словно вырезанным топором из сибирского кедра лицом, покрытым сетью морщин, и хитрыми, уставшими глазами из мутного льда, молча кивнул на чемодан.

- В Нефтяной ВУЗ? – буркнул он хрипло, уже хватая багаж намертво сжатой рукой в грубой перчатке без пальцев.

- Да, в университет, – отозвался Андрей, протискиваясь на потрепанное сиденье, пропахшее табаком, бензином и потом.

- Ага, героев новых ждут, – водитель хрипло рассмеялся, звуком напоминающим скрежет гравия. С заметным уси-

лием закинул чемодан в захламленный багажник. Звякнуло что-то металлическое внутри. – Ну что, будущий герой трудового фронта, добро пожаловать прямиком на нашу нефтяную каторгу! Затянем потуже лямку?

Дорога до университетского городка была недолгой, а водитель, оказался разговорчивым. Он тыкал корявым, узловатым пальцем в запотевшее окно: «Вон видишь? НПЗ, наш хлеб насущный. Дымит, как дракон проклятый. А вон – общежития для вахты, коробки новенькие, яркие, как игрушки, но дух там пьяный, по утрам особенно. А это – парк, его буровики посадили лет десять назад, деревца-то приживаются еле-еле, чахнут в этой гари, да под снегом, как неженки...» Его рассказ был мозаикой из горькой иронии, местного, режущего слух говора («куст», «цашка», «попутка» – слова, звучавшие как пароль в чужом племени) и неожиданных, прорывающихся сквозь усталость ноток гордости за этот суровый, пропитанный углеводородами край. Подъезжая к внушительному, но унылому зданию учебного корпуса, напоминающему серую бетонную глыбу, с примыкающими такими же безликими корпусами общежитий, Андрей, тронутый этой вынужденной, мрачно-откровенной экскурсией и желая как-то сгладить гнетущее впечатление от «каторги», сунул водителю купюру сверх оплаты:

- Спасибо, за экскурсию. Правда.

Тот удивленно хмыкнул, звук вышел из глубины груди, но взял, спрятав деньги в потертую кожаную сумку:

- Учись, парень. Первый щедрый за месяц. Удачи. Не за-
кисни тут. Нефть сожрёт, коли слаб.

Приемная комиссия встретила его потоком бумаг, пахну-
щих свежей типографской краской, штампов, оставляющих
синие оттиски, и деловитых лиц женщин за столами, зава-
ленными папками. Воздух был густ от запаха пыли, вита-
вшей в солнечных лучах из высоких окон, и старого дерева.
Монотонные вопросы, скрип ручки по бланкам заявлений,
шуршание листов – все сливалось в один бюрократический
гул. Андрей механически отвечал, расписывался в клеточ-
ках, получал на руки холодные, острые ключи от комнаты в
блоке общежития №3 и листок с именем соседа: «Куприянов
Вадим, группа НГ-101» (видимо, «Нефтегазовое дело»).

- Заселяйтесь, распишитесь о получении ключей здесь.
Инструктаж по общежитию завтра после линейки в девять, –
отчеканила секретарша, даже не подняв головы от бумаг. Её
голос был ровным, как линия горизонта за окном. Формаль-
ность свершилась. Он был зачислен. Стал винтиком в этой
огромной, пахнувшей нефтью машине.

Комната в блоке, хоть и скромных размеров, являла со-
бою редкое для общежития благополучие: две кровати, хо-
лодильник, телевизор. Каждому обитателю дарованы были
собственные стол, стул и даже личный шкаф. Истинным же
сокровищем, почти неслышанным в этих стенах, был соб-
ственный санузел. Маленькая обитель эта, до стерильной
чистоты вылизанная, встретила теснотой, но безупречной

опрятностью. Окно выходило во внутренний двор-колодец, узкий и глубокий, где даже днем царил полумрак, а стены других корпусов казались неприступными скалами.

Андрей только начал распаковывать сумку, выкладывая на жесткое покрывало вещи, – как дверь с грохотом распахнулась, впустив бурю в виде долговязого парня. Вадим. Ростом под метр восемьдесят, худощавый, как жердь, с взъерошенными темными волосами, торчащими в разные стороны, и очень живыми, чуть насмешливыми, бесцеремонными глазами цвета темного ореха. Он окинул Андрея быстрым оценивающим взглядом, сканирующим с ног до головы, и широкая, открытая улыбка, обнажившая ровные зубы, озарила его лицо.

- Ага! Значит, ты и есть мой новый сокамерник по нефтяной ссылке? Андрей? – не дожидаясь ответа, он шагнул вперед широким шагом, протягивая руку с длинными пальцами. Рукопожатие было крепким, энергичным. – Вадим. Куприянов. Рад не сойти с ума в одиночестве в этой каменной коробке. Ну что, прибыл, значит? Отличненько! Значит, по случаю прибытия новобранца полагается немедленное посвящение! – Он лихо, с акробатической легкостью, достал из-под кровати, заваленной тетрадями и футболками, полупустую пластиковую бутылку с мутноватой, маслянистой на вид жидкостью и два стакана, явно «позаимствованных» из столовой, с надписями, частично стертыми от мытья. – Выпьем за светлое будущее! А точнее – за то, чтобы через пять

лет учебы не превратиться в законченных алкашей! Ну, или хотя бы не спиться раньше диплома!

Он звонко, с размахом поставил стаканы на стол, покрытый царапинами и кольцами от кружек.

Андрей почувствовал, как внутри все сжалось в холодный комок. Едкий запах дешевой водки, резкий и тошнотворный, ударил в нос, смешиваясь с еще не выветрившимся запахом нефти с перрона, создавая удушливый коктейль. Завтра – важный день, первая линейка, начало всего. И само это вещество вызывало в нем глухое, почти физическое отвращение, поднимая со дна памяти мутные, неприятные картины, крики, запах перегара.

- Спасибо, Вадим, – сказал он, стараясь, чтобы голос звучал твердо и без раздражения, но внутренняя дрожь прокрадывалась в тембр. – Я пас. Завтра рано, голова должна быть светлой. И с водкой я не дружу. Вообще.

Вадим замер с бутылкой в руке на полпути к стакану, его густые брови удивленно поползли вверх, почти к линии волос. Потом он фыркнул, но не обиженно, а скорее с искренним, живописным интересом:

- Серьезно? Ни капли? Ни-ни? Вот это поворот! Редкий экземпляр в наших суровых краях! Ну что же, – он поставил бутылку обратно под кровать с преувеличенной осторожностью, но стаканы оставил на столе. – Значит, посвящение откладывается? Ладно, герой трезвого образа жизни, заселяйся, обустраивайся. Но имей в виду, – он подмигнул лукаво,

– посвящение неизбежно. Как снег в декабре. Просто перенесем на потом. Когда официально станем студентами и наденем зачетки, как доспехи.

Андрей кивнул, чувствуя неловкую смесь облегчения и какой-то вины перед этим неутомонным парнем. Он продолжил раскладывать немудреные пожитки в тумбочку из пресованной стружки и в шкаф, скрипевший ржавыми петлями. Мысли путались, накатывая волнами: бескрайняя, молчаливая тайга за окном поезда, едкий, въедливый запах Когалыма, циничный, усталый смех таксиста, равнодушные, бесстрастные лица приемной комиссии, этот шумный, как фейерверк, Вадим с его водкой А Кубань, с её солнцем и запахом моря, казалась теплым, но невероятно далеким, почти нереальным сном, ускользающим при пробуждении.

Когда вещи были более-менее разложены, создав подобие своего угла в этой казенной комнате, он снова достал из кармана потертую пачку «Беломора». Сегодня она казалась особенно ценной - единственной ниточкой, связывающей его с домом, с дядиной улыбкой, с ярким и теплым миром, где воздух не резал легкие. Он сел на свою кровать спиной к Вадиму, который уже увлеченно, с жестикуляцией, что-то рассказывал в телефон, и вынул одну папиросу. Не закуривая. Просто взял ее пальцами, ощущая шершавую, чуть ворсистую бумагу, легкий, сухой запах табака – чего-то знакомого и ушедшего. Потом медленно, с каким-то почти ритуальным вниманием, стал перекачивать папиросу между

большим и указательным пальцами. Туда-сюда. Словно четки странника. Словно пытаюсь успокоить бурю внутри, найти точку опоры, островок тишины в этом новом, гулком, чужом и насквозь пропитанном нефтью мире. Гул города за окном, громкий голос соседа, шум шагов и хлопанье дверей из коридора – все это отступало, растворялось в монотонном, гипнотическом движении пальцев, в шуршании бумаги.

За окном, в колодце двора, сгущались ранние северные сумерки.

«Всё же, – подумал Андрей, и мысль эта была холодной и тяжелой, как глыба льда, – выпьем с Вадимом когда-нибудь. Когда официально пройдем это «посвящение» в студенты-нефтяники. Ради приличия. Ради того, чтобы не чувствовать себя белой вороной на этой самой... «каторге». Мысль была горькой, как привкус дыма нескуренной папиросы на языке.

Глава 2

Холод просочился сквозь стены общежития №3 словно живая, невидимая субстанция. Он пробирался сквозь щели в рамах, стелился по полу, забирался под одеяло. Ночь выдалась беспокойной, тревожной. За тонкой, как картон, перегородкой неугомонно скрипела чья-то кровать, в коридоре то затихали, то вспыхивали с новой силой голоса – обрывки смеха, споров, музыки из колонок. А над всем этим, словно постоянный басовый фон, висел вой ветра, запертого в узком колодце внутреннего двора. Он выл, скребся о стены, пел в вентиляционных решетках, сливаясь в тревожную, монотонную симфонию чужого, недружелюбного места. Андрей ворочался на жестком, продавленном посередине матрасе, пытаясь найти хоть каплю комфорта. За окном, в чернильной, непроглядной тьме ранней северной ночи, маячили угрюмые силуэты труб НПЗ. Черные, зубчатые, они врезались в чуть светлеющее к утру небо, дыша едва заметным, зловещим багровым заревом – отсветом вечного пламени факелов, сжигающих попутный газ. Это были стражи нового мира, немые и всевидящие.

Утро наступило серое, безрадостное, промозглое до костей. Свинцовые тучи висели так низко, что казалось, вот-вот коснешься их рукой. Запах нефти вьелся в стены общежития, витал в воздухе коридоров, смешиваясь со стойким

ароматом дешевого хозяйственного мыла и чем-то кислым – запахом немытой посуды и сырости.

Андрей умывался ледяной водой, которая обжигала кожу, заставляя вздрогнуть, и думал, что даже воздух здесь имеет вес и вкус.

В этот день была линейка. Собрание первокурсников состоялось на огромной, открытой всем ветрам бетонной площади перед главным корпусом ВУЗа. Место было выбрано словно специально, чтобы испытать новобранцев на прочность. Небо висело низко, серое и тяжелое, словно свинцовая крышка гигантского котла, готового вот-вот раздавить всех своей массой. Под ногами хрустела жесткая, уже промерзшая земля, покрытая инеем, белым и колким, как крупная соль. Стоять было неудобно, холодно, тоскливо. Первокурсники сбивались в кучки, пытаясь согреться или просто почувствовать хоть какую-то опору в этом море одинаковых испуганных и растерянных лиц.

Ректор, настоящий монумент в строгом, как бронежилет, темно-синем костюме, стоял за трибуной. Его фигура казалась вырубленной из гранита. Он ковал «стальных людей» громкими, отточенными фразами, которые чётко звучали в промерзшем, безжизненном ущелье двора: «...вы – будущее наших трубопроводов и месторождений! Стальные артерии Родины! Ваш дух, ваша воля должны быть крепче самой закаленной стали! Выкованы в труде, закалены в суровой учебе! Вы – опора будущего нефтегазовой отрасли!» Его голос,

усиленный динамиками, которые хрипели и шипели на пронизывающем ветру, гремел над рядами. Но до Андрея, затравившегося где-то в середине своей группы НГ-101, долетали лишь обрывки фраз, теряясь в свисте ветра в ушах и общем гуле замерзающего люда. Он стоял, съежившись, втянув голову в плечи, ощущая всю неловкость новенького, его абсолютную чужеродность в этой серой, аморфной массе в похожих куртках и шапках. В руках он сжимал холодный, пластиковый планшет с только что полученным расписанием.

- Смотри! Волкова! Наша легенда вживую! – прошипел совсем рядом Вадим, его дыхание превращалось в густое белое облачко, тут же разрываемое ветром. Он неотрывно глядел чуть вперед и левее. Толкнул Андрея локтем так резко и неожиданно, что тот едва не выронил планшет. – Ангелина Волкова! Видишь? Наша же группа! «Королева льда»! Прозвали моментально, как только на первое собрание зашла – у всех челюсти на пол, будто рыбы, выброшенные на лед! А потом подкатил первый смельчак, Петька, попробовал комплимент ляпнуть и получил такой взгляд, что, поговаривают, парень до сих пор где-то на котельной отогревается, не может придти в себя!

Андрей проследил за взглядом Вадима, отгоняя навязчивую тяжесть век. В двух-трех метрах от них, в их же шеренге, стояла девушка. Ангелина Волкова. И в тот самый момент, когда Андрей разглядел её, он понял, почему она произвела такой фурор. Она была живым, дышащим вопло-

щением гяру-эстетики – но адаптированной, северной, когалымского разлива. Никакого кричащего, неестественного загара или кислотно-рыжих прядей. Ее красота была яркой, почти ослепительной, но при этом удивительно естественной – натуральной. Длинные, идеально ухоженные волосы сияющего, дорогого блонда, струящиеся с безупречной, будто небрежной легкостью, обрамляли лицо с чертами, словно выточенными рукой искусного скульптора. Большие, чуть раскосые глаза (карие? серые? – цвет было трудно определить под безупречными, графичными стрелками макияжа в стиле «кошачий глаз»). Высокие, четко очерченные скулы, аккуратный, прямой нос, полные губы нежного, естественного розового оттенка. Но главное – это был стиль. Униформа? Формально – да. Но на ней она сидела как дорогой дизайнерский наряд: пиджак был чуть укорочен, подчеркивая линию талии, белоснежная блузка под горло оттенялась крошечной изящной серебряной цепочкой, юбка-карандаш идеальной длины обрисовывала стройные ноги в плотных черных колготках, обутые в лакированные лоферы на небольшом, но уверенном каблучке. На тонком запястье – серебряный браслет с крошечным кристалликом, который даже под скупым северным солнцем ловил блики и рассыпал их холодными искорками. Осанка – безупречная, королевская: спина – струна, подбородок – чуть приподнят, взгляд устремлен вверх голов. Она излучала такую уверенность, такую осознанно выстроенную, модную, японскую эстетику, что это

выглядело шоком, ярчайшим контрастом посреди суровой, утилитарной сибирской реальности, серых курток и шапок. Это был диссонанс, приковывающий взгляд.

«Гяру... – пронеслось в голове Андрея, заставив на мгновение забыть о холоде. – Настоящая. Только без перебора. Сдержанная. Элегантная. Как героиня из того аниме. И она в нашей группе? На нефтяном?» Его удивило не столько прозвище «Королева льда», сколько сам невероятный факт – такая яркая, заметная, явно неординарная девушка выбрала этот суровый путь и оказалась его одноклассницей. Это казалось абсурдным и завораживающим одновременно.

Нет, она не королева льда, – поправил он себя мысленно, замороженный и слегка смущенный ее нездешним видом. Скорее роскошная тропическая птица, залетевшая по ошибке на промерзшую нефтяную вышку. Яркое пятно на фоне труб и серого неба. Но почему тогда «лед»? Откуда это прозвище?

Ответ пришел мгновенно, как удар холодного ветра в лицо. К Ангелине, явно нарушая строй и демонстративно игнорируя тот факт, что она стоит среди первокурсников, уверенно, с развязной походкой направился старшекурсник. Артём. Он мелькнул в поле зрения Андрея вчера у общежития – самоуверенный, с нарочито небрежной укладкой волос, дорогой, но неопрятной курткой и привычкой смотреть на всех свысока. Он подошел вплотную, грубо вторгаясь в ее личное пространство, навис, шепча что-то на ухо. Андрей, стоявший

с подветренной стороны, уловил лишь обрывки сквозь шум ветра: «...огонь... а не студентка... скучаешь?..»

Ангелина не дернулась. Не отпрянула. Даже бровью не повела. Ее реакция была молниеносной и абсолютно ледяной. Она медленно, с убийственным, ледяным спокойствием, отвела голову, как будто отстраняясь от назойливого насекомого. Ее глаза, до этого смотревшие куда-то поверх голов ректора вдаль, скользнули мимо Артёма, абсолютно пустые, как будто перед ней было не живое существо, а пустота, не заслуживающая даже мимолетного внимания. Взгляд устремился куда-то вдаль, к дымящим, неумолимым трубам НПЗ. Во нём не было ни тени смущения, ни искорки страха. Только полная, абсолютная пустота и презрение. Как будто перед ней был не человек, а нечто недостойное даже мимолетного контакта. Этот взгляд и был тем самым льдом. Он обжигал пронизывающим холодом абсолютного нуля, космического вакуума. Артём замер, его нагловатая, привыкшая к легким победам ухмылка сползла, обнажив растерянность и зарождающуюся злость. Он явно ожидал чего угодно – смущения, кокетливого ответа, даже грубости, – но не этого абсолютного, унижительного в своей безупречности игнорирования. Его бросили в ледяную воду на глазах у всех.

- Ишь ты... Ледяная, бл..., статуя... – пробормотал он достаточно громко, чтобы слышали стоящие рядом. Он отошел, стараясь сохранить лицо, но походка стала резкой, угловатой, выдавая бешеное раздражение. Поражение было пол-

ным и публичным.

Прямо за спиной Андрея, две девушки из их группы, Света и Оля, ежась от холода и волнения, ахали, не скрывая эмоций:

- Видала? Видала?! Опять! Артём специально приперся к нашей группе! Эта только недавно приехала, а уже такое внимание. Она на него даже смотреть не стала! Мощно! Просто космически мощно! Я бы так никогда не смогла!

- Ну да, не зря она «Королева льда». Вчера Петька из нашей группы попробовал ей что-то типа комплимента сказать, так она даже не повернулась, просто пошла мимо! Вообще! Как пустое место! Красивая, стильная, но каменная! Совершенно. И зачем так с людьми? Можно же просто вежливо отказать, улыбнуться.

- Вежливо? Да такие как Артём, вежливости не понимают! Ты посмотри на него. Ей эта холодность как щит нужна. Как броня. Я б, конечно, так не смогла, но её понимаю. И потом, она же умная, говорят, экзамены все на сдала на 97-99 баллов, почти стобалльница. Может, ей просто не до глупых кавалеров? У нее другие приоритеты.

Сбоку, переминаясь с ноги на ногу и пряча носы в воротники курток, два парня из их группы, Игорь и Костя, тихо хихикали, наблюдая за отступлением Артёма:

- Ха! Видал рожу? Весь вид потерял, надутый индюк! Думал, к первокурснице подкатить – раз плюнуть, делов-то. А она ему – бац! Ледяным взглядом, прямо в сердце! Наша

«королева» всех равняет, хоть старших, хоть младших! Вот это я понимаю!

- Ну, объективно – огонь девчонка. Реально. Рядом с ней все остальные как серые мышки, честно. Но прям айсберг. Красиво, блестяще, но подплывать опасно – запросто потопит, и даже пузырьков не будет. Интересно, она вообще разговаривает с кем-то? Ну, кроме как по учебе?

- Говорят, только по делу и то с девчонками. Сухо, конкретно. И всё. Наш местный феномен. Ходячая загадка.

Ангелина слышала все эти разговоры. Внутри неё что-то острое и до боли знакомое сжалось в тугой, болезненный узел.

«Опять Артём, - думала она. - Как назойливая, надоедливая муха. Его шепот вызвал не просто раздражение, а целую волну тошнотворного отвращения. Этот приторный запах туалетной воды, смешанный с наглостью и чувством безнаказанности...

Она применила свое оружие мгновенно и без малейших колебаний – взгляд в никуда. Это был её самый эффективный, отработанный до автоматизма приём против таких, как он. Слова? Их не слышат. Вежливый отказ? Расценивают как поощрение, как игру. Только лед. Только абсолютное, тотальное игнорирование. Пусть злятся, пусть плюются, пусть называют «куском льда». Лучше статуя, неприступная и холодная, чем мишень для их глупых, пошлых налётов.

Ей ужасно, до физической тошноты, не нравилось это

всеобщее внимание. Это постоянное, пристальное оценивание взглядами, эти шепотки за спиной «смотри, это Волкова», «королева льда идет», эти навязчивые попытки «растопить ледяную королеву» – как будто она какой-то эксперимент. Она пришла сюда не для этого. Она приехала в этот промерзший край с одной четкой, выстраданной целью – учиться. Она хотела добиться всего сама: кристаллизаться в сильную, независимую, лучшую. Нефть, скважины, сложные расчеты, диплом с отличием из престижного вуза – вот ее единственная цель. Вот что требовало всех ее сил, нервов, концентрации. Эти мальчишки с их надуманной, дешевой крутостью, пошлыми попытками знакомства и глупыми сплетнями... Это был назойливый, раздражающий шум, мешающий сосредоточиться на главном. Ее яркий, безупречный стиль – это был ее выбор, её форма самовыражения, а вовсе не приглашение к флирту или повод для обсуждения.

Краем глаза она заметила пристальный, изучающий взгляд нового парня из группы – того самого, что стоял рядом с долговым болтуном Вадимом.

«Вот еще один зевака, – промелькнула мысль без тени интереса, лишь с привычной, глухой усталостью. – Началось. Опять. Бесконечный поток любопытных».

Она намеренно, чуть резче, чем обычно, снова устремила взгляд вдаль, туда, где дымили, не переставая, трубы НПЗ – суровые символы ее будущей профессии, ее выбранного пути. Пути сложного, требующего всех душевных и физи-

ческих сил, но ее собственного. Пустота во взгляде сомкнулась плотнее, непроницаемо. Ледяной панцирь, на мгновение сдвинутый наглостью Артёма, снова стал монолитным, непробиваемым. Она была «Королевой льда» группы НГ-101. И этим, казалось, все было сказано. Пока ректор на трибуне продолжал вещать о «стальных людях», Ангелина Волкова уже чувствовала в себе эту твердость, эту холодную силу. Она была готова стать не стальным, но «ледяным титаном» – холодным, прозрачным и абсолютно непоколебимым на своем пути, как вечная мерзлота, на которой стоял весь север.

Глава 3

Холод линейки сменился прохладой общежития, носившего гордое имя «Нефтяник». Оно было не отдельным зданием, а пристройкой к главному учебному корпусу – серой бетонной глыбой, вросшей в него, как симбиотический паразит в живое тело. Они соединялись длинным, слабо освещенным переходом на уровне второго этажа, по которому студенты сновали, как муравьи, переноса с собой запахи столовой, пота и учебников. Узкие коридоры гудели: крики из комнат, грохот дверей, дрель перфоратора где-то на этаже, лязг батарей отопления, пытавшихся победить сырой холод.

В комнате Андрея и Вадима царил хаос, постепенно обретающий черты обжитости. Вадим, развалившись на своей кровати в позе уставшего после великих трудов героя, методично швырнул носки в сторону условного угла между шкафом и дверью в тамбур. Там уже начинал формироваться внушительный вал одежды – стирка была запланирована на «ПОТОМ».

- Запомни, братан, святое правило выживания на этой нефтяной каторге, - вещал Вадим, закидывая очередной мятый, серый комок так, что тот чуть не сбил единственное украшение на стене – постер с полуобнаженной девушкой на фоне спортивного автомобиля. - Химия у Ширяева - это самый натуральный ад. Не предмет, а средневековая инквизи-

ция. Так мне поведали старшаки. Лабы по три часа в душевой лаборатории, где пахнет так, что волосы в носу сворачиваются. Конспекты его лекций - как священные свитки манускриптов, расшифровать которые дано не каждому смертному. А на экзамене он смотрит на тебя, как на заведомо бракованную болванку. Термех - это чистилище. Муторно, сложно, формулы длиннее руки, душа уходит в пятки и плачет. Но пройти можно, если молиться учебнику Феодосьева как Библии и не спать ночами, впитывая мудрость. А вот сопромат, братан, это уже настоящий, чистый, дистиллированный пиз.ец. Там не души - там личности ломаются, как стальные балки на пределе прочности под прессом. Готовься морально. И физически. Запасайся кофе и анальгином. Будет больно.

Андрей молча кивнул. Он аккуратно, с помощью кусочков скотча, прикреплял к стене над своей кроватью несколько привезенных из дома фотографий. Казалось, они излучали свет. Яркая, почти кричащая зелень кубанских полей под бездонным, чистым синим небом, уходящим за горизонт. А ещё гордый флаг Краснодарского края с золотым гербом. Каждая фотография была глотком теплого, солнечного воздуха, острым уколом ностальгии по запаху нагретой земли, по южному солнцу, которого здесь, в августе, не хватало катастрофически.

- Куришь? - Вадим протянул ему зажигалку с потертым логотипом, увидев, как Андрей машинально достал из кар-

мана джинс потрепанную пачку «Беломора» и вытащил одну тонкую папиросу.

Андрей покачал головой.

- Не курю. И не собираюсь. Просто память. Талисман. От сглазу, - повторил он слова дяди, поднося папиросу к носу. Он вдыхал слабый, горьковато-древесный запах табака – запах, так кардинально непохожий на тяжелый, удушливый дух Когалыма.

«Дядя, родители...», - мелькнула мысль. - Как они там? Наверное, сидят на веранде, пьют чай. Солнце. Тепло».

В этот момент тишину вечера (относительную, ибо за стеной кто-то фальшиво орал под гитару, а сверху, явно переставляли мебель) разорвал резкий, пронзительный, пропитанный страхом и гневом женский крик, донесшийся с улицы прямо под их окном:

- Отстань! Отвяжись, я сказала!

Голос был высоким, срывающимся. Он пробил даже двойные, не самые герметичные стекла. Андрей вздрогнул всем телом и резко повернулся в сторону окна. Вадим лениво, с интересом приподнялся на локте.

- Опа, - протянул он. - Что там стряслось?

Андрей отодвинул занавеску. На улице, в желтом, неровном круге света от необычного фонаря, стояли двое. Ангелина Волкова и Слава. Безупречный гяру-стиль девушки сейчас выглядел скомканным: пиджак съехал на одно плечо, волосы растрепались, королевская осанка сжалась в защитной,

закрытой позе – руки скрещены на груди, плечи подняты. Перед ней, слишком близко, агрессивно нависая всем телом, стоял парень – высокий, плечистый, с короткой стрижкой «под ноль», придававшей его лицу угрюмую жесткость. Лицо было искажено ухмылкой. Это был Славка – один из одноклассников Андрея. И сейчас он выглядел опасным.

- Ангелинка, ну что ты как чужая! - неслось с улицы. Голос Славы был громким, нарочито «дружелюбным», но в каждой ноте змеилась плохо скрываема угроза. - Поговорить нельзя? Ты ж наша звезда местная! Баска наша! - Он сделал шаг вперед, пытаясь грубо схватить её за запястье выше тонкого браслета.

- Я сказала – отстань! Не трогай меня! - Ангелина резко отдернула руку, как от прикосновения к чему-то гадкому. Ее голос дрожал, но не от страха, а от чистой ярости. Ледяная маска была сброшена, лицо горело пятнами гнева, глаза, обычно такие пустые, метали молнии. Она попятилась, натыкаясь спиной на холодный металл фонарного столба. - Уйди! Слышишь?!

- Ну зачем сразу «отстань»? Я же по-хорошему, - Слава продолжал наступать, его огромная тень полностью накрыла Ангелину, поглощая её. - Всего пару слов, красивая. Не кусаюсь.

Андрей посмотрел на Вадима, в надежде уловить малейшую искру отклика на его лице

- Ого-го, - Вадим прижал лоб к стеклу, заинтересованно

всматриваясь. - Полез к «королеве льда», да еще, похоже, хорошо принял на грудь, ловелас хренов. Думает, первокурсницы – легкая добыча.

Андрей стоял рядом, сжимая в руке папиросу так сильно, что тонкий бумажный цилиндрок смялся и порвался, рассыпая табак. Он видел, как Ангелина, прижатая к столбу, пытается отойти в сторону, как Слава блокирует ей путь широко расставленными руками. Как лицо девушки, всегда такое безупречное, сейчас искажала беспомощная ярость

«Нахал», - пронеслось в голове, горячей волной. Чувство гадливости, смешанной с праведной злостью, подкатило комом к горлу. Разум нашептывал едкие слова, готовые сорваться с губ: «Не мешайте спать!». Но тут же глухая волна накатывала: «Какое его дело? Ангелина сама по себе». Однако видеть яркую, непохожую на других девушку в грубых лапах было нестерпимо, физически. Сердце билось в тесной клетке, рвалось наружу криком...

- «Баска»? - Андрей не удержался, спросил у Вадима глухим голосом, не отрывая глаз от разворачивающейся внизу драмы. - Почему он так её назвал? Откуда такое?

- А, это местный «комплимент», - цинично усмехнулся Вадим. - Типа, красивая куколка, кукла-одиночка. Тупая кличка, но если прилипнет то, как репей, не отцепишься

Внизу ситуация достигла точки кипения. Ангелина резко рванулась в сторону, пытаясь проскочить под рукой Славы. Но он был быстрее и сильнее. Схватил её выше локтя.

- Да отпусти ты, тварь! - крик девушки был уже на грани истерики, в нем слышались слезы. Она дернулась изо всех сил, пытаясь высвободиться. Из кармана выпал смартфон, с глухим, тоскливым стуком ударившись о бетон. Слава засмеялся – грубо, отвратительно.

Десятки окон, освещенных желтых квадратов, обретали лица. Студенты смотрели бесплатное представление. Цирк. «Королева льда» дает слабину, показывает страх и гнев – это же эксклюзивное зрелище! «Гадство какое-то. Подлость, - подумал Андрей. - Но чем я лучше? Тоже смотрю и ничего не делаю».

- Эй, Славон! - вдруг рявкнул из окна этажом выше чей-то хриплый, но уверенный мужской голос. - Отвали от девчонки, дурак! Чего пристал? Не видишь – не хочет она! Иди своей дорогой!

Слава вздрогнул и посмотрел вверх. Пьяная ухмылка сползла, сменившись растерянностью и злостью. Он отвлекся, ослабив хватку. Этого мгновения Ангелине хватило. Она резко, с силой, которой от нее не ожидали, вырвала руку, молниеносно нагнулась, подхватила упавший телефон и, не оглядываясь, побежала к ближайшему подъезду общежития.

Слава что-то невнятно буркнул в сторону окна, плюнул на асфальт прямо перед собой и, тяжело пошатываясь, поплелся в противоположную сторону, растворяясь в темноте между корпусами.

- Вот и сказочке конец, - философски, с легкой усмешкой

заметил Вадим, отходя от окна и плюхаясь обратно на свою кровать. - Славка – дурак конченный. Хотя «королева» сегодня вскипела. Лед тронулся, так сказать. Впервые её такой вижу. Видимо он, конкретную гадость ей наговорил.

За окном снова воцарился привычный, монотонный гул ночного Когалыма. Но в комнате Андрея и Вадима повисло тяжелое, гнетущее молчание. Яркие картины Кубани на стене над кроватью казались теперь не просто милыми воспоминаниями, а убежищем, далеким и хрупким, от этой серой, пропитанной нефтью, холодом и откровенной грубостью реальности. «Королева льда» в тот вечер показала всем, что даже самый прочный лед может треснуть под натиском грязи и наглости. Андрей вдруг почувствовал, что его талисман - пачка «Беломора», уже не кажется такой надежной защитой. Она казалась просто кусочком бумаги, беспомощным перед лицом новой, суровой правды жизни.

Глава 4

Холодный, серый свет когалымского утра, пробивавшийся сквозь запотевшее окно, не сулил ничего хорошего. Первые пары – математика и введение в специальность – прошли как в густом тумане. Информация лилась бесконечным потоком, профессора говорили о месторождениях и скважинах сухими, лишёнными эмоций голосами, а Андрей ловил себя на том, что вместо графиков и формул видит яркую зелень кубанских полей, слышит стрекот кузнечиков и ощущает тепло земли под босыми ногами. Он мысленно сравнивал геологические пласты на схеме с мягкими, плодородными слоями кубанского хатыка.

«Там – чернозем, солнце, виноград, запах спелых фруктов... Здесь – нефтеносные пески, вечная мерзлота под ногами, этот пронизывающий холод и... Ширяев», – с тревожным предчувствием подумал он, вспоминая вчерашние страшилки Вадима про «инквизицию». Зал лектория казался огромным и безликим, студенты – серой массой. Воздух был спертым.

На перерыве, у автоматов с кофе, которые выдавали коричневую жидкость сомнительного вкуса, он неловко столкнулся с Катей. Она была его одноклассницей и землячкой. Они вместе ходили к одному репетитору. Невысокая, хрупкая, с живыми, но усталыми глазами, копной выющихся тем-

ных волос, собранных в небрежный, уже расползавшийся хвост. Одежда на ней выглядела чуть помятой.

- Ой, извини! – буркнул Андрей, поднимая её тетрадь по термеху. Страницы были исписаны аккуратным мелким почерком.

- Да ничего, – Катя вздохнула, принимая тетрадь. Ее взгляд, быстрый, как у пойманной птички, скользнул по переполненному коридору, будто ища кого-то или чего-то опасаясь. Она съежилась, словно стараясь стать незаметнее.

- Ты с Вадимом живешь? Повезло. Он хоть веселый, – она снова оглянулась через плечо, нервно поправила ремешок сумки через плечо.

Их разговор прервал резкий, пронзительный звонок, разрезавший гул толпы, но Катя успела сказать:

- Если увидишь свободное место в библиотеке – занимай! Там вечером яблоку негде упасть, – она сделала паузу, снова оглядываясь. А потом растворилась в потоке студентов.

Химия. Аудитория Ширяева. Само помещение дышало холодом и строгостью. Ряды деревянных парт, потертых временем и поколениями студентов. Доска, огромная и зловеще черная. И сам Профессор. Ширяев, сухопарый мужчина с пронзительным, сканирующим взглядом, начал свою «инквизицию». Его голос, скрипящий, как несмазанная лебедка под нагрузкой, наполнял аудиторию, не оставляя места для посторонних мыслей. Формулы органических соединений, молекулярные связи, гибридизация орбиталей – все это спу-

тывалось в голове Андрея в непроглядный, колючий клубок. Каждое слово Ширяева падало, как камень, в пучину непонимания.

Как дядя это все выучил? – отчаянно думал он, пытаюсь успеть за стремительным, неумолимым потоком мыслей, чувствуя, как холодный пот выступает на спине. – Он же инженер-нефтяник, химия для него – как воздух. А для меня?» В памяти всплыл образ дяди, спокойно объясняющего что-то над чертежами, запах его мастерской. И резкий, болезненный контраст – суровое, неумолимое лицо Ширяева, его презрительный, ледяной взгляд на запинающегося студента у доски, чьи руки дрожали, а голос срывался.

«Ад... Вадим был прав. Это чистой воды ад. Средневековый и беспощадный.»

Андрей украдкой, из-под руки, посмотрел на Катю. Она сидела через ряд, склонившись над конспектом, ее спина была напряжена как струна. Она пыталась конспектировать, но ее постоянно что-то отвлекало. То кто-то из парней с задних рядов швырял в неё скомканной бумажкой, которая со звонким шуршанием приземлялась на парту, то раздавался громкий, нарочито неприличный шепот: «Эй, Катька, смотри сюда! Улыбнись!». Она вздрагивала, краснела до корней волос, старалась не оборачиваться. Но видно было, как её рука дрожит, выводя химические формулы, линии становились кривыми, буквы – корявыми. Ее соседка, Оля, девушка с решительным подбородком, что-то сердито шептала обид-

чикам, сжимая кулаки, но это помогало ненадолго. Насмешки стихали на минуту, чтобы возобновиться с новой силой.

«Вечные преследования, - с горечью и чувством собственного бессилия думал Андрей. – Вот она, «каторга» для девушек. И как с этим бороться? Куда бежать?»

На перемене после химии, когда коридоры снова наполнились гомоном и топотом, он видел Ангелину. Она шла прямая, как стрела, окруженная невидимой, но ощутимой стеной отчуждения. Ее стиль был безупречен, как всегда – яркие цвета, идеальные линии, королевская осанка. Но взгляд был остекленевшим, пустым, устремленным в какую-то далекую, невидимую другим точку внутри себя, будто она шла по минному полю. Мимо нее, нарочито громко переговариваясь, прошел Артём с компанией. Он что-то громко, с похабным смешком, сказал своим, явно про Ангелину, и они засмеялись. Ангелина не дрогнула, не изменила ритма шага, лишь губы ее чуть сжались, белея от напряжения. Она ускорила шаг, скрывшись за углом, как призрак, растворившись в серой толпе.

«Статуя. Но даже статуи устают от безмолвия», – мелькнуло у Андрея, и в памяти всплыла вчерашняя сцена у фонаря – ее дрожащие плечи, срывающийся голос.

И как дядя это все выучил? Этот вопрос снова мучал Андрея. Он сидел за столом у окна в тишине библиотеки, уткнувшись в гладкие, холодные страницы учебника. Скорее всего, дядька его тоже через это проходил. Сидел, наверное,

вот так же, в какой-нибудь ростовской библиотеке, пахнувшей пылью времени старыми книгами.

Он вздохнул, тяжело, всем телом, пытаясь сосредоточиться на схеме образования связи в молекуле метана. Углерод... четыре водорода... тетраэдр... Эти абстракции казались ему враждебными и бессмысленными.

Библиотека к вечеру напоминала улей перед грозой – тихий, но напряженный. Студенты, сраженные первыми учебными боями, засели за длинными столами, заваленными книгами, конспектами, пустыми стаканчиками из-под кофе. Шепот, похожий на шум прибоя, шуршание страниц, скрип стульев – единственные звуки в этом царстве знаний.

От химических формул его отвлекли мысли о землячке Кате. За обедом в шумной, пропахшей жареным луком столовой она чуть не плакала. Какой-то старшекурсник, не отставал от нее весь день. То «случайно» толкнет плечом, то «забытую» ручку подсунет с навязчивой, липкой улыбкой, то просто стоит неподалеку и пялится.

«Я не могу сосредоточиться! – жаловалась она Андрею, едва сдерживая дрожь в голосе, ее глаза блестели от непролитых слез. – Постоянно чувствую этот взгляд на спине. Как учиться?» Андрей тогда только растерянно пожал плечами, предложил идти в библиотеку вместе, чувствуя всю жалкую неадекватность своего предложения, но Катя отказалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.